

ЭО, 2006 г., № 2

© **А.А. Никишенков**. Рец. на: *Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века* / Сост. Д.Д. Тумаркин; отв. ред. В.А. Тишков, Д.Д. Тумаркин. М.: Наука, 2004. 716 с.

О значимости этого коллективного труда нет нужды много говорить. Достаточно взглянуть на имена ученых, которым посвящены очерки, и на имена тех, кто эти очерки писал, чтобы каждому этнологу и антропологу стало ясно – книга не может не представлять большого интереса. Нам давно не хватало подобного издания, в котором были бы представлены жизненные пути и деятельность тех, кто фактически создал нашу науку. К безусловной заслуге коллектива авторов книги и особенно ее ответственных редакторов следует отнести тщательно продуманную стратегию ее написания.

При всем разнообразии авторских позиций каждый очерк строится по относительно единой программе, в которой содержатся установки на отражение житейской биографии, основных направлений научно-исследовательской деятельности с анализом теоретических достижений выдающихся ученых, и все это – в контексте политических и идеологических процессов эпохи. Следует признать, что такой подход нельзя назвать самым легким, но он несет в себе немало познавательных возможностей, так как позволяет представить разнородные проявления научной и общественной деятельности в виде некой целостности, в основе которой – личность ученого.

В целом авторы труда успешно реализовали возможности избранного исследовательского подхода на базе чрезвычайно богатого набора источников, среди которых – архивные материалы, труды классиков отечественной этнологии и антропологии, воспоминания современников и личные впечатления от общения с героями очерков, материалы научных и идеологических дискуссий. Отметим, что очень многие из этих источников впервые публикуются, что придает рецензируемой книге дополнительную научную ценность.

Мне представляется целесообразным рассмотреть рецензируемый труд по основным блокам принятой всеми его авторами исследовательской программы, а именно – частная жизнь, политико-идеологический контекст науки и собственно научные исследования.

Личность ученого в ближайшем окружении: семья, друзья, коллеги, учителя и ученики. Сама по себе информация о происхождении, семейной жизни, дружеских связях и взаимоотношениях с коллегами выдающихся ученых всегда вызывает особый интерес, так как в атмосфере их жизненного микрокосма можно увидеть (или угадать) причины и побудительные мотивы знаменательных событий в истории науки. В представленных очерках такой информации много, и она в большинстве случаев мало известна либо вообще неизвестна научному сообществу. Особый интерес, не только научный, но и чисто человеческий, вызывают статьи, написанные родственниками их героев – М.М. Герасимовой о своем отце М.М. Герасимове, Т.И. Алексеевой о своем супруге В.П. Алексееве и Л.М. Варданян о своем деде С.Д. Лисициане. Факты житейской биографии ученых порой позволяют проследить связь случайных, казалось бы, обстоятельств и событий с важными в научном плане явлениями. В очерках рецензируемой книги такие причинно-следственные цепочки порой обнаруживаются.

Так, в очерке С.С. Алымова отмечается, что увлечение Д.Н. Анучиным географией и биологией, сыгравшее столь большую роль в его этнологических исследованиях, стало результатом случайных обстоятельств – ему повезло с гимназическим учителем географии, В.С. Парамоновым, а интерес к биологии сформировался в результате вызванной болезнью поездки за границу, где он попал под влияние видных биологов В.О. и А.О. Ковалевских (с. 8). То же самое можно сказать и о Д.К. Зеленине, деревенское детство которого в Ятской глуши и близость к народной жизни сына дьячка надолго определили направленность его научных интересов, а именно – фольклор и этнография этого края, в которых он дебютировал как исследо-

ватель и не оставлял всю жизнь. Ведь в университетах эти предметы не преподавались, он их изучал самостоятельно и превратил со временем, немало рискуя при этом своей карьерой, в полноправные университетские курсы (с. 139).

Еще существенней жизненные случайности повлияли на научную судьбу В.Г. Богораза и Л.Я. Штернберга. На первый взгляд, их политическая ссылка в экзотические края в научном контексте – это случайность, они явно к этому не стремились. Но есть в научных последствиях этой ссылки и некие элементы закономерности, что подтверждается судьбами других народников. Я полагаю, что обращение ссылных народников к этнографии – это следствие народнической философии, трактовавшей народные традиции (общинность, взаимопомощь и пр.) в качестве необходимого фундамента для построения справедливого общества. Ведь представители иных направлений революционного движения в России по-другому относились к народной культуре тех мест, где оказывались в ссылке. В частности, среди ссылных большевиков особого интереса к этнографии не наблюдалось.

Положение ссылных не только привело Штернберга и Богораза к этнографической работе, как к спасительному средству от вынужденного безделья и душевного отупения (с. 70), но и после окончания срока ссылки парадоксальным образом стимулировало их научную деятельность. В очерках А.А. Сириной, Т.П. Роон и Е.А. Михайловой убедительно показано, как стремление получить вид на жительство в столице (им было запрещено проживать в крупных городах) привело их в Кунсткамеру, в которой, благодаря ходатайству видных ученых, академиком К.Г. Залемана и В.В. Радлова, они получили заказ на обработку коллекций и своих полевых материалов. Ограниченный срок официального разрешения на проживание в Петербурге стал причиной невероятно интенсивной работы – Штернберг за лето 1900 г. подготовил к печати свой капитальный труд по гиляцкому фольклору и языку (с. 59). Богораза эта же причина, если доверять его воспоминаниям (с. 106–107), подтолкнула к скорейшему согласию на предложение Ф. Боаса принять участие в Джезуповской экспедиции, иначе его этапировали бы в родное захолустье.

Своеобразная логика судьбы особенно отчетливо проявляется в жизни Богораза, который, в отличие от Штернберга, долго ей сопротивлялся, так как к своей научной этнографической деятельности относился не без иронии, считая себя преимущественно писателем и политическим деятелем (с. 107). Эта логика судьбы через цепочку как будто случайных обстоятельств в конце концов привела к возникновению уникального центра отечественной этнографии, нередко именуемого "петербургской/ленинградской школой", центра, в котором харизматическое влияние Штернберга и Богораза явственно ощущается по сей день, пройдя через поколения их учеников и учеников их учеников.

Заслугой авторов сборника является и то, что в нем представлена картина развития научной традиции во времени и пространстве, причем вырисовываются две ее линии, нередко переплетающиеся – петербургская/ленинградская и московская. К примеру, в очерке Н.А. Дубовой отражена весьма глубокая связь ленинградской и иркутской (и шире – сибирской) научных школ, проявившаяся в научной деятельности Г.Ф. Дебеца. Испытав еще в юности влияние Э.Б. Петри, ученика Штернберга, Георгий Францевич на всю жизнь сохранил приверженность принципам этой линии научной традиции, порой высказывая нелестные суждения о стиле работы Д.Н. Анучина, характерного для москвичей (с. 263). "Сибирский филиал" ленинградской школы подарил науке и таких выдающихся ученых, как А.П. Окладников, М.М. Герасимов, С.М. Широкогоров и др., о чем говорится в различных очерках сборника.

Этнология и антропология перед вызовом государственной политики и идеологии. XX в. был ознаменован грубым вторжением в отечественную науку политических и идеологических императивов. В очерках рецензируемого сборника очень детально представлен этот процесс и на уровне судеб отдельных ученых, и на уровне целых их поколений. Трагическая судьба отдельных представителей старшего поколения отечественных этнологов отражена в уже получивших широкую известность сборниках о репрессированных этнографах (Репрессированные... 1999, 2003), но и для героев наших очерков, не испытавших прямых политических

репрессий, работа в условиях жесткого идеологического давления, особенно в 1930–1950-е годы, стала тяжелым испытанием, чреватой деформацией самой природы научного познания, а порой и личной драмой. Для Д.Н. Анучина, всегда отличавшегося политической индифферентностью с либеральным привкусом и исповедовавшего в качестве квазиидеологии веру во всемогущество и самодостаточность науки, работа в условиях советской власти приносила не только тревогу и дискомфорт, но и удовлетворение. В статье С.С. Алымова очень убедительно показано, как сциентистский оптимизм советской власти 1920-х годов, вызвавший бурную деятельность по созданию большого числа этнографических учреждений, примирил Анучина с этой властью и дал ему возможность реализовать ряд масштабных проектов, в частности выделение в 1919 г. особой кафедры антропологии, создание в 1922 г. Институты антропологии и географии и многое другое (с. 13).

В очерке А.А. Сириной и Т.П. Роон представлена впечатляющая картина организационной деятельности Штернберга, который сразу же после революции какое-то время возглавлял МАЭ, был редактором главных для научной дисциплины журналов – "Этнография" и "Человек", стал вместе с Богоразом членом Комитета содействия народностям северных окраин при Президиуме ВЦИК, возглавил этнографическое отделение ЛГУ (с. 75–76). Таким же созидательным пафосом первых лет советской власти проникнуты статьи Л.М. Варданян о С.Д. Лисициане и Дж.А. Рухадзе о Г.С. Читая и В.В. Бардавелидзе. Материалы их очерков показывают, что во многом благодаря политике государства тех лет эти замечательные ученые фактически с нуля создали организационную структуру и заложили основы национальных исследовательских традиций армянской и грузинской этнографии.

Особое внимание авторы очерков уделили процессам внедрения марксизма в этнологию начиная с пресловутого совещания этнографов Москвы и Ленинграда в апреле 1929 г. Практически никто из героев очерков, доживших до этого рубежа, не избежал травмирующего воздействия этого процесса, независимо от того, оказались ли они среди гонимых или гонителей (эти роли часто менялись). Ученые "старой школы", выразители методологического плюрализма 1920-х годов, с различной мерой искренности пытались приспособиться к новым требованиям. Статья А.М. Решетова описывает эволюцию научной позиции Д.К. Зеленина – от попыток оправдаться и отмежеваться от "буржуазности" и "шовинизма" после агрессивных нападок "марксистствующей" молодежи (М.Т. Маркелов, С.П. Толстов) на страницах журнала "Этнография" (с. 160) до фактического изгнания его из Института этнографии АН СССР в 1949 г. (с. 169).

Новое поколение советских этнографов в подавляющем большинстве искренне стремилось к творческому освоению марксистской методологии. В статьях С.С. Алымова о П.И. Кушнере, Ю.А. Раппопорта и Ю.И. Семенова о С.П. Толстове, А.М. Решетова о Н.Н. Чебоксарове, С.Я. Козлова о С.А. Токареве, С.И. Вайнштейна о Ю.В. Бромлее фактически впервые эта проблема поставлена не в парадно-юбилейном тоне советского времени и не в упрощенно-обвинительном тоне постперестроечного времени, а с позиций объективного историко-научного анализа. Так, революционер, убежденный марксист-идеолог и "совработник" Кушнер в тонкой статье Алымова предстает интересной, целостной и независимой личностью, в сознании которой марксизм весьма далек от той догматизированной советской версии, которая стала складываться с рубежа 1920–1930-х годов. Его "истмат" вовсе не упразднил научного анализа этнографических фактов. В этой статье дается убедительная аргументация тезиса о том, что Кушнер "умел откликаться на широкие общественные запросы, не жертвуя в то же время своими личными научными интересами" (с. 476).

Наиболее сложной фигурой в данном контексте выступает С.П. Толстов. Материал посвященного ему очерка дает картину поразительно контрастных качеств: талантливый ученый – политически ангажированный карьерист; яркая, обаятельная личность – авторитарный до жестокости руководитель; убежденный марксист – критик теоретического наследия классиков этого учения и т.п. Противоречивость личности Толстова, судя по материалам статьи Раппопорта и Семенова – во многом следствие трагической противоречивости эпохи, его

судьба – это не плавное восшествие на "академический Олимп", но постоянная борьба, не лишённая внутреннего трагизма. Сама по себе успешность его академической карьеры определялась не только его исследовательским талантом и организаторскими способностями. В ней, как мне кажется, определённую роль сыграли факты семейной биографии. Внук царского генерала, сын офицера и племянник белогвардейского генерала, яростного врага советской власти, не мог не ощущать потребности быть чуть-чуть "святей папы римского" в условиях политического и идеологического террора 1920–1950-х годов. В какой-то степени это касается и судьбы другого успешного "академического иерарха" – Д.А. Ольдерогге, по крайней мере, факты его биографии в статье В.А. Попова дают картину приспособительной стратегии потомка древнего дворянского рода, давшего России не одного генерала.

В статье А.М. Решетова о Н.Н. Чебоксарове представлены факты трагической судьбы семьи выдающегося ученого (репрессированы отец и брат), которые позволяют многое понять в его поступках – его резкую переориентацию в трактовке лингвистических проблем (он был сторонником учения Н.Я. Марра о языке) после публикации пресловутой статьи И.В. Сталина 1951 г., его публичную поддержку идей Т.Д. Лысенко и критику "формальных генетиков", при том что он с юности разделял их воззрения, его участие в кампаниях критики неугодных начальству ученых (с. 387).

Немало сложных этических и мировоззренческих проблем было и в жизни С.А. Токарева, о чем пишет С.Я. Козлов: и период юношеского увлечения марксизмом, сопровождавшего борьбой с "буржуазными" учеными (с. 438), и времена, когда он сам страдал от нападков идеологического руководства (с. 439), в конце жизни – разочарование в принципах научной политики советского руководства (с. 443). Все это не могло не привести к тому, что порой именуется мировоззренческим эклектизмом. Впрочем, на наш взгляд, С.Я. Козлов справедливо трактует этот эклектизм не только как вынужденную меру защиты от идеологического прессы, но и как своеобразную форму сохранения духовной свободы и возможности проявления необычайной широты научных интересов Сергея Александровича (с. 439–440).

Выдающиеся отечественные антропологи – В.В. Бунак, Г.Ф. Дебеч и М.М. Герасимов, которым посвящены статьи С.В. Васильева и М.И. Урысона, Н.А. Дубовой и М.М. Герасимовой, в целом, в силу специфики своей науки, испытали меньшее идеологическое давление в 1930–1950-х годах. Как в свое время резонно отметил Я.В. Чеснов, мировоззренческая основа их дисциплины – дарвинизм – по ряду позиций была близка марксизму. Но и они не были обойдены взыскующим вниманием руководства. В частности, В.В. Бунак стал объектом травли со стороны Т.Д. Лысенко и его ставленника И.И. Презента после печально известной сессии ВАСХНИЛ 1948 г. В статье С.В. Васильева и М.И. Урысона ярко представлено достойное поведение патриарха отечественной антропологии, которого не сломали ни увольнение из МГУ, ни снятие с должности заведующего сектором антропологии ИЭ АН СССР (с. 235–240).

При всем критическом отношении авторов сборника к политическим и идеологическим условиям бытия науки в Советском Союзе большинству из них свойственно стремление объективно представить и позитивные особенности научной политики государства в ту пору. Убедительно показано, что характерная для "советской школы" в этнологии и антропологии многодисциплинарность исследований и энциклопедический охват материала по многим самым разным народам и исследовательским проблемам – это во многом следствие обоюдной заинтересованности правящих кругов (социальный заказ) и ученых в научном обеспечении решения практических задач, стоящих перед обществом.

Личность ученого и научное познание. При всей важности политико-идеологического контекста научной деятельности главное ее содержание все же – это научные исследования, поэтому именно им авторы рецензируемого сборника уделили основное внимание, что совершенно естественно, так как для выдающихся отечественных ученых смысл жизни, в конечном счете, заключался в познании. Как свидетельствуют материалы очерков, ради научного познания они во многом себе отказывали в личной жизни, ради него они нередко рисковали

своим благополучием, а порой и жизнью; стремление сохранить научную тему (и себя в ней) иногда заставляло их кривить душой и приспосабливаться к идеологическим штампам, чуждым их убеждениям; это же стремление приводило некоторых к жестким (если не жестоким) поступкам в духе сталинского времени. Иными словами, рецензируемые очерки достаточно убедительно демонстрируют самостоятельную логику развития научного познания в этнологии и антропологии, несводимость его к карьерным мотивам отдельных ученых и к политико-идеологическим императивам властей. При всем драматизме бытия науки в непростом XX в. она не стала только функцией государственной политики.

В сборнике хорошо представлен процесс становления научно-исследовательской проблематики в трудах основоположников отечественной этнологии и антропологии. Так, в работах Д.Н. Анучина была заложена характерная особенность отечественной научной традиции – комплексный исследовательский подход, включающий методы этнографии, физической антропологии, археологии, географии. Этот органический синтез научных дисциплин (в разных комбинациях) отличал научно-исследовательскую деятельность последующих поколений исследователей. В очерках, посвященных Д.К. Зеленину, С.П. Толстову, С.А. Токареву, Н.Н. Чебоксарову, М.Г. Левину, детально представлено поразительное многообразие исследовательских направлений. В очерке А.М. Решетова о Д.К. Зеленине подробно освещена созданная им традиция эффективного сочетания этнографии и фольклористики, наиболее полно воплощенная в знаменитой монографии "Восточнославянская этнография".

В статье этого же автора о Н.Н. Чебоксарове представлено многообразное творчество замечательного ученого, пожалуй, наиболее близкое по характеру знаменитой "анучинской триаде", поскольку Николай Николаевич с равным совершенством владел методами этнологии и физической антропологии. Это же с полным основанием можно сказать и о М.Г. Левине, научная деятельность которого проанализирована в обстоятельной статье Т.И. Алексеевой и С.А. Арутюнова. Работы этого ученого заложили основы ряда исследовательских направлений, среди которых выделяется созданная им методика изучения этногенетических процессов Сибири и Дальнего Востока с использованием антропологических, археологических и этнографических данных, что в своей совокупности можно назвать особой субдисциплиной, именуемой сейчас этнической антропологией.

В статье В.А. Попова научно-исследовательская деятельность Д.А. Ольдерогге аргументированно представлена как фактическое создание отечественной африканистики. Дмитрия Алексеевича отличает все тот же комплексный многодисциплинарный подход – он был профессионалом в лингвистике и таким же профессионалом в области этнологии, истории, политологии. Его труды, подробно разобранные в очерке, положили начало целым исследовательским направлениям: этносоциология первобытности, историческая социология Тропической Африки, этногенез и этническая история Африки, африканское языкознание и многое другое.

Ярким примером синтеза фольклористики и этнологии является деятельность замечательного петербургского ученого Б.Н. Путилова, представленная в статье И.И. Земцовского. Продолжая линию, намеченную Зелениным, Путилов создал уникальную исследовательскую программу, в которой нашли свое развитие наиболее плодотворные идеи классиков отечественной фольклористики – А.Н. Веселовского, В.М. Жирмунского, В.Я. Проппа и зарубежной науки – А.Б. Лорда, Б. Малиновского, М. Пэрри и др. В очерке отмечается особое значение для развития междисциплинарных исследований того обстоятельства, что Путилов в 1960-е годы связал свою судьбу с Институтом этнографии АН СССР (Ленинградской его частью), ибо это стало стимулом развития сравнительно-исторического изучения памятников устного народного творчества в широком этнокультурном контексте. В итоге сложился комплексный подход, объединивший широкий круг ученых вокруг программы "Фольклор и этнография".

В очерках сборника, посвященных замечательным антропологам В.В. Бунаку, Г.Ф. Дебцу, М.М. Герасимову, разворачивается впечатляющая картина формирования предметной сферы отечественной антропологии: создание Бунаком эффективной методики антропомет-

рии, теории ростовых процессов и физической конституции человека, а также теории расы, теории антропогенеза и концепции этнической антропологии; создание Дебецем фундаментальных трудов по палеоантропологии; разработка Герасимовым методики антропологической реконструкции и многое другое.

Очерки сборника не останавливаются на констатации достижений выдающихся ученых. Они представляют и развитие созданной ими научной традиции. Во-первых, прослеживая межпоколенную преемственность со времен Д.Н. Анучина до Ю.В. Бромлея и В.П. Алексеева, а, во-вторых, подвергая анализу те или иные работы классиков с позиций современного состояния науки. Так, в статье С.И. Вайнштейна детально разбирается история создания Бромлеем теории этноса, которая стала важной вехой теоретического развития отечественной этнологии. В этой статье показано, как Юлиан Владимирович, входя в новую для него сферу гуманитарного знания, опирался на идеи своих предшественников в этой области – С.М. Широкогорова, П.И. Кушнера, С.А. Токарева, Ю.И. Семенова, В.И. Козлова (с. 613). В этой статье аргументированно отмечается, что бытующее до сих пор мнение о жесткой связи творчества Бромлея исключительно с категорией "этнос" – это искажение реального положения вещей. Юлиан Владимирович отличался широтой взглядов, сам был увлечен разнообразными исследовательскими проблемами (архаические общественные формы, традиционная культура, народная медицина, современность и др.) и как директор ИЭ АН СССР всегда поддерживал весь спектр исследовательских направлений, сложившихся в нашей науке за более чем вековую ее историю.

Невероятно плодотворная и масштабная деятельность В.П. Алексеева в очерке, ему посвященном, предстает как развитие и вывод на новую теоретическую высоту многих исследовательских направлений, сформировавшихся в трудах его предшественников, – этнической антропологии, расоведения, антропогенеза и многого другого. Кстати, сам Валерий Павлович публично сказал немало теплых слов о своих учителях в воспоминаниях, опубликованных в "Этнографическом обозрении" (Алексеев 1993).

* * *

Следует сказать, что для авторов, написавших свои очерки в разной стилистической манере, характерна одна общая черта – в их текстах нет юбилейного глянца, но все они отмечены доброжелательностью, деликатностью, а порой и преклонением перед героями своих статей. Вместе с тем в большинстве очерков встречается и нелицеприятная оценка отдельных поступков и событий. В статье Е.А. Михайловой безо всяких прикрас показаны явно конъюнктурные попытки В.Г. Богораза поддаться под марксизм после известного совещания 1929 г. (с. 125–126). Авторы статьи о С.П. Толстове не стали умалчивать о самых неприятных эпизодах деятельности этого ученого – о его участии в написании статьи-доноса "О методах вредительства в археологии и этнографии" в 1937 г. и не менее непристойной статьи-покаяния в 1962 г., о его резких теоретических колебаниях вместе с колебаниями "линии партии" и т.п. (с. 208–209). В.А. Попов в своей статье, окрашенной в целом большим уважением к Д.А. Ольдерогге, счел необходимым отметить авторитарность стиля его руководства и нетерпимость к талантам в своем окружении и т.п. (с. 464). Примеры подобного рода свидетельствуют о стремлении авторов статей к объективности и исторической правде.

Давая общую оценку рецензируемому сборнику, следует признать, что он вносит значительный вклад в развитие самосознания отечественной этнологии и антропологии. В нем, можно сказать, впервые реализован историографический подход, позволяющий взглянуть на эти научные дисциплины как на многомерное пространство, системно соединяющее логику научного поиска с политическими, идеологическими, да и просто с житейскими обстоятельствами. В сборнике впервые были развеяны многие мифы о "великих", рожденные в кулуарах и распространяющиеся изустно. Объективно и документированно сказано о том, что десятилетиями умалчивалось. Представлен богатый материал о столь важной для нашей страны про-

блеме взаимоотношения науки и политической власти. Не менее важна и поставленная (прямо или косвенно) проблема величия в науке. Содержание очерков наводит на мысль, что "властная вертикаль" науки с ее административными постами и академическими званиями – вещь необходимая, но есть в науке и иная шкала оценок, на которой "могущественные" Толстов и Бромлей и скромный научный сотрудник Ольга Александровна Сухарева вполне соизмеримы. На эту мысль наводит тонкая и не лишенная лиризма статья О.Б. Наумовой, в которой хорошо показано величие научного вклада этой труженицы. И, наконец, материалы сборника содержат аналитический разбор серии дискуссионных проблем, возникших давно, но имеющих тенденцию к развитию в настоящем и будущем. Это делает сборник серьезным фактором, стимулирующим современные исследования в отечественной этнологии и антропологии.

Литература

- Репрессированные... 1999, 2003 – Репрессированные этнографы / Сост. и отв. ред. Д.Д. Тумаркин. Вып. 1. М., 1999; Вып. 2. М., 2003.
- Алексеев 1993 – Алексеев В.П. Общение // Этнограф. обозрение. 1993. № 1–6.